
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

В.А. ВАСИЛЕНКО

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ БУДДИЙСКОЙ САНГХИ В ТАННУ-УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ (1914–1919)

В настоящей статье приведен анализ взаимодействия тувинского духовенства с российскими властями в период действия протектората над Тувой. Представлена характеристика политической ситуации в крае, даны оценки позиций представителей местной и центральной власти на вопрос функционирования буддийской сангхи в Танну-Урянхайском крае. На основе архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, приведен анализ позиций на вопрос о национальном самоопределении представителей тувинской политической и духовной элиты.

Ключевые слова: Россия, Тува, Китай, Монголия, Урянхай, религия, ламаизм, буддизм, протекторат.

V.A. VASILENKO

THE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES IN RELATION TO THE BUDDHIST SANGHA IN URIANGHAY (1914–1919)

This article presents, the analysis of the interaction between Tuvan clergy with the Russian authorities during the period of protectorate over Tuva. Presents a description of the political situation in the region, the positions of the representatives of local and Central government on the question of the functioning of the Buddhist Sangha in Tuva. On the basis of archival documents, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, the analysis of positions on the issue of national self-determination of representatives of the Tuva political and spiritual elite.

Keywords: Russia, Tuva, China, Mongolia, Uryankhay, religion, Lamaism, Buddhism, protectorate.

История развития буддизма в Туве, характер его уникальности и неповторимости традиционно являются предметом специальных исследований. Политическая история Тувы также тесным образом связана с во-

просом существования буддийской сангхи. Роль тувинского духовенства в становлении национальной государственности неизменно подчеркивается рядом исследователей.

Ранние формы буддизма существовали еще во времена Тюркско-го каганата в VI в. Буддизм впервые проник в Тюркский каганат из Согдианы в форме Хинаяны. Особая роль в распространении буддизма в Центральной Азии принадлежала уйгурам — тюркоязычному народу, родственному тувинцам. В 1207 г. старший сын Чингисхана завоевал территорию Саяно-Алтая, в том числе, и Туву.

Во второй половине XVIII в. Тува вошла в состав Цинской империи. По справедливому мнению М.В. Монгуш, внедрение буддизма совпало с периодом становления тувинской государственности, что придало процессу распространения буддизма более динамичный характер. Однако темпы его распространения были все же ниже, чем в Монголии [9, с. 82].

Юридический статус присоединенной территории (формально Урянхайский край подчинялся Уляс-Утайскому цзянь-цзюню, а халхинские правители выступали в роли некоторых посредников между тувинской элитой и цинскими властями — В. В.), территориальная отдаленность края от своей метрополии были важными факторами, обусловившими устойчивость культурно-исторических связей Тувы и Северной Монголии. Однако доминирующей причиной характера устойчивости этих связей стала религиозная общность.

Известен также факт тесной взаимосвязи тувинского буддизма с шаманизмом, о чем говорилось во множестве работ, начиная с отчетов экспедиций в Урянхайский край. [3, с. 40; 8, с. 23].

Конфликты между ламами и шаманами встречались на ранних стадиях распространения ламаизма в Туве, о чем сообщают этнографы и прочие исследователи [7–9].

Со временем ламаизм, трансформировавшись в некоторую форму «народной религии», мирно сосуществовал с другими религиозными представлениями, бытовавшими у тувинского народа, в том числе, шаманизмом [7, с. 176].

К XIX в. ламаизм уже повсеместно укрепился среди различных родоплеменных и территориальных групп тувинцев. Успешному его становлению способствовали политические и социально-экономические условия, сложившиеся к этому времени в Туве. В момент рассматриваемого периода ламаизм являл собой государственную религию, сумев приспособиться к существующей политической системе и стать ее существенной частью. К началу XX в. в Туве насчитывалось 22 религиозных центра и около 4 тыс. лам [6, с. 170].

Синьхайская революция в Китае и последующее объявление независимости Халха-Монголии стали мощными стимулами, побудившими тувинскую элиту к решению вопроса о национальном самоопределении.

Религиозная общность с Монголией оказала влияние на политические симпатии обусловила и дальнейшие политические устремления некоторых глав тувинских кожуунов.

Ни в среде тувинских нойонов, ни ламайского духовенства не было единого мнения в вопросе выбора стран-покровителя. Если часть ламайского духовенства поддерживала идею о принятии российского покровительства, то другая, напротив, стремилась принять покровительство Монголии [5]. Нойоны кожуунов Салчак и Тоджа, Бальчжинмаа и Тонмит приняли покровительство главы Цзасактухановского аймака, Чжалханца-хутухты, который в 1914 г., по решению правительства Богдо-гегена, был назначен главой Урянхайского края. Однако все же часть духовенства, в том числе, настоятель Верхнечаданского хурэ, Лупсанчжамсун, наиболее авторитетный духовный лидер Тувы, поддержали идею о принятии российского покровительства. Летом 1914 г. в нескольких хурэ, в Самагалдае и на Чадане, тувинские нойоны совершили молебны по случаю принятия российского покровительства [5].

Развитие русской государственности в крае поставило перед властями проблему оформления церковных институтов (автономии буддийской сангхи). Идея христианизации тувинцев не получила должного практического выражения (слишком тесна была связь с национальной религией). Большинство тувинских лам обучалось в Урге, где и получали дальнейшее продвижение по церковной иерархии. По мнению комиссара по делам Урянхайского края В.Ю. Григорьева, «ламское духовенство, имеющее на массы жителей огромное влияние, является чрезвычайно деятельным и распыленным проводником монголофильства» [1, л. 1об.].

Русское руководство осознавало тот факт, что религиозная общность с Монголией может стать основным «камнем преткновения» в развитии процессов интеграции России и Тувы и в проведении пророссийской политики в крае. Поэтому создание буддийской религиозной автономии в Туве могло бы привести к ослаблению духовных и одновременно политических связей Тувы и Монголии, чего добивалась российская администрация на местах.

Данную идею поддержали наиболее влиятельные нойоны. По словам комиссара В.Ю. Григорьева, они обратились с ходатайством объединить все ламайские монастыри и духовенство Урянхая под управлением одного духовного лица с присвоением этому духовному лицу титула Ламы-Богдо-Гегена. В качестве кандидата на должность главного ламы в Урянхае правители рекомендовали Хамбо-Ламо-Бакши-Лупсанчжамсуна, «человека, несомненно, искренне преданного русскому делу, человека выдающейся энергии, очень умного и достаточно авторитетного, чтобы надлежащим образом и целесообразно организовать под руководством русской власти дело управления ламайским духовенством Урянхая» [1, л. 2].

Основные предложения комиссара вышестоящему руководству сводились к тому, чтобы сделать автономным ламайское духовенство Урянхая «путем подчинения его лицу, назначаемому применительно к порядку, указанному в ст. 1676 управления духовных дел калмыков-ламаитов» и образовать, по аналогии с «Положением о ламаистком духовенстве в Восточной Сибири от 15 мая 1883 года», институт штатных лам с различием их по духовным степеням и определением прав и обязанностей [2, л. 8–9]. В качестве местопребывания начальника духовенства комиссар предлагал определить Белоцарск [1, л. 1об.].

Иркутский генерал-губернатор согласился с предложениями комиссара, о чем сообщил ему 31 декабря 1916 г. Управление урянхайскими ламами должно было быть приурочено к Временной инструкции об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии [1, л. 8, 13].

Если мнения региональных властей на вопрос создания буддийской сангхи в крае, независимой от Монголии, совпадали, то у вышестоящего руководства были иные соображения по этому поводу. Так, министр иностранных дел в письме иркутскому генерал-губернатору от 27 января 1917 г. высказывал следующие мысли: «...нельзя заключить, что русская власть располагает в Урянхайском крае таким влиянием, чтобы по ее слову местные буддисты признали указываемого им нового духовного главу и забыли столетиями установившуюся духовную связь с буддийским святителями Монголии... Идти к намеченной... цели следует... несколько более сложным и медленным путем моральной и материальной поддержки и привлечения к нам кого-либо из местных влиятельных буддийских лам» [1, л. 14].

Все доводы министра внутренних дел комиссар считал малоубедительными, напротив, подчеркивал он в письме А.И. Пильцу: «Опасения Министра иностранных дел ... совершенно не оправдывается наличным положением вещей. Напротив, создавшееся положение является наиболее благоприятным для предполагаемой реформы, пропустить которую будет ошибкой... наше, по терминологии Министра Иностранных дел вмешательство в религиозную жизнь урянхов, вмешательство, совершенно не затрагивающее религии и обрядов, не только не будет мертворожденным детищем, но жизненным» [2, л. 48]. По всей видимости, подобная позиция комиссара не встретила возражений со стороны вышестоящего руководства в Иркутске.

В дальнейшем вопрос о создании религиозной автономии и назначении Пандито-хамбо-ламы в Урянхайском крае обсуждался тщательно и с особой скрупулезностью. В первых числах марта 1917 г. В.Ю. Григорьевым было организовано совещание с представителями ламайского духовенства. Большинство представителей высказались в поддержку кандидатуры Лупсанчжампсуна, что делало последнего «не назначенным ставленником русской власти, а утвержденным избранником» [2, л. 1].

Что же касается положений Временной инструкции от 20 июля 1890 г., они были одобрены, в целом, участниками съезда. Однако некоторые из них, по мнению участников, в том числе, безусловное безбрачие духовенства, сокращение числа лам до штатного их небольшого числа, строгое упразднение личной собственности лам должны были проводиться «с некоторою постепенностью», в течение 3–5 лет.

Итак, анализ текста журнала совещания и переписки В.Ю. Григорьева с А.И. Пильцем позволяет сделать вывод о том, что российским региональным властям и представителям ламайского духовенства удалось достичь соглашений по основным вопросам организации буддийской сангхи в крае в будущем. Достижение подобного согласия было возможным в силу ряда объективных причин. К их числу следует отнести успех на тот момент российской дипломатии в Урге, а также признание бывшего амбын-нойона Гомбодоржи и его сына, Сотнам-Бальчжира, власти российского императора, а также ряд других обстоятельств, анализ которых не является предметом специального рассмотрения в настоящей статье.

В период существования Временного правительства протекторат над Тувой по-прежнему сохранялся, а духовенству была обещана полная независимость в вопросах религии. Однако в это время изменились политические ориентиры тувинской элиты в пользу Китая и Монголии. Это было связано с тем, что российское руководство провело ряд непопулярных мер, в частности, изъяло у нойонов маньчжурские и монгольские печати, были увеличены размеры некоторых податей. Верность России сохраняла небольшая группа нойонов, возглавляемая хамбо-ламой Лупсанчжамсуном. В специальной литературе не встречается фактов, свидетельствующих о непосредственном участии ламайского духовенства в конфликтах России, Китая и Монголии за Урянхайский край в 1917–1918 г., однако монастыри играли роль своеобразных политических центров, невольным образом принимающих участие в этом противостоянии [4, с. 172–190].

С установлением власти Омского правительства политические симпатии в пользу России стало проявлять большинство населения Урянхайского края. Сам хамбо-лама Лупсанчжамсун обратился к А.В. Колчаку с просьбой поддержать идею создания автономной буддийской сангхи, и присвоить статус «Бандито-хамбо-ламы» с исполнением обязанностей духовного и светского главы. Просьба была удовлетворена, Главным управлением по делам вероисповеданий была выработана «Временная инструкция по управлению делами буддо-ламаистов Урянхайского края». И.В. Отрощенко отмечает, что подобное на решение Омского правительства повлияли сведения, представленные комиссаром по делам Урянхайского края А.А. Турчаниновым [10].

За Лупсанчжамсуном был закреплен статус духовного главы края, но не светского, как этого первоначально желал камбо-лама.

С падением власти Омского временного правительства этим планам не суждено было сбыться, хотя первоначально ламайское духовенство сохраняло свой авторитет среди населения, не играя, тем не менее, политической роли [9, с. 182–190].

Итак, попытка создания религиозной автономии в Урянхэе приходилась на момент становления и развития институтов российской государственности в крае. Чиновники на местах, в частности Усинского пограничного управления и пограничного комиссариата были хорошо знакомы с политическим климатом в регионе, осведомлены о настроениях и симпатиях тувинской элиты в вопросах выбора страны-протектора. С установлением протектората проведение подобной реформы региональные власти считали своевременной мерой, хотя это противоречило мнению вышестоящего руководства. Идея создания независимой буддийской сангхи в Урянхайском крае была поддержана наиболее влиятельной частью тувинского духовенства. В случае ее реализации, Омское правительство стало бы проводником российской политики в крае, отдельные направления которой совпадали с национальными интересами тувинцев.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора Министерства внутренних дел Российской империи) — Оп. 11 — Д. 135.
2. Государственный архив республики Тыва. — Ф. 112 (Управление комиссара по делам Урянхайского края). — Оп. 1. — Д. 36.
3. Боголепов М. Н. Очерки русско-монгольской торговли / М. Н. Боголепов, М. И. Соболев. — Томск : Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1911. — 530 с.
4. Дацышен В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. / В. Г. Дацышен, Г. А. Ондар. — Кызыл : Республиканская типография, 2003. — 284 с.
5. Дацышен В. Г. Буддийская Сангха в Туве в период протектората [Электронный ресурс] / В. Г. Дацышен // Иркутский МИОН. — Режим доступа : www.mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/4_4.html
6. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы XIX — начало XX вв. / В. И. Дулов. — М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1956. — 608 с.
7. Дьяконова В. П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев / В. П. Дьяконова // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири : сб. ст. — Л. : Наука, 1979. — С. 150–179.
8. Кон Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю / Ф. Я. Кон // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. — 1903. — Т. XXXIV, № 1. — С. 19–69.
9. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. (вторая половина VI — конец XX вв.) / М. В. Монгуш. — Новосибирск : Наука, 2000. — 200 с.
10. Отрощенко И. В. Буддизм и политика в истории Тувы (о появлении института Камбы-ламы) [Электронный ресурс] / И. В. Отрощенко // Новые исследования Тувы. — 2014. — № 1. — Режим доступа : www.tuva.asia/issue_21.html/

11. Хомушку О. М. Религия в истории культуры тувинцев / О. М. Хомушку. — М. : Рос. акад. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1998. — 177 с.

Информация об авторе

Василенко Виктория Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра прикладной информатики и документоведения, Иркутский государственный университет, 664001, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru.

Author

Viktoriya A. Vasilenko — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Applied Informatics and Documentation, Irkutsk State University, 1, K. Marx St., Irkutsk, 664001, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru.